

СОЛОВЕЙ

Мы осматривали экспозицию икон в музее Андрея Рублева. Остановились у одной из них. С верхнего края иконы смотрели на нас лики добрых молодцев — русских воинов на красных вздыбленных конях.

— Замечательная работа, — сказал мой спутник, известный львовский искусствовед Владимир Антонович Овсийчук. — Но где-то в советской живописи я видел этот сюжет и стиль.

— Конечно, — ответила я, — так пишут палешане из городка Палех.

— Да, узнаю художника. А Палех в какой области расположен?

— В Ивановской, — ответила я, не подозревая, что услышу одну из самых человечных, пронзительных историй о войне.

— Да, он был из Ивановской области. Иван Рыбаков его звали, — задумчиво произнес мой спутник и продолжал: — В армию меня взяли в сорок четвертом и прямо на фронт. В роте были хорошие парни, но, как все в России, ругались, пили и курили. И скоро стали поговаривать, что есть среди них хлопец, странный такой: не курит, не пьет и не матерится. Вызывает меня ротный:

— Солдат, ты вправду не пьешь, не куришь и не ругаешься?

— Правда.

— Ничего, научим. Скажи...

— Не скажу.

- Я приказываю.
- Не скажу.
- Ладно, иди пока.

Рота умирала от хохота. А я возненавидел ротного. Ненависть моя была столь сильна, что я все его действия воспринимал через ее призму.

...Шла рота походом к населенному пункту Н.

— Рядовой Овсийчук, вперед! — командует ротный. Я вышел, и мы с ним пошли вперед, обогнали роту и, когда солдаты скрылись от нас за елями, он вытащил большой ломоть свежего ржаного хлеба, посыпал солью из обрывка газеты и протянул его мне:

— Ешь!

— Не буду. Отдам ребятам. — «Он ненавидит меня и все время испытывает, хочет восстановить против меня солдат. Вот и дает мне тайно хлеб», — так думал я тогда.

— Ешь! — еще раз скомандовал ротный. Я взял, но не ел. Он, ругнувшись, ушел вперед, а я дождался солдат и отдал им хлеб.

И вот наступил тот последний бой. Мы лежали в окопе — трое рядом. Убили двоих, и вдруг около меня появился ротный.

— Вот что, парень, иди на командный пункт.

— Не пойду, я хочу быть в бою, на передовой, с ребятами.

— Приказываю, иди, принеси ракетницу. — Я ушел, а он стал на мое место в окопе.

Отсутствовал я долго. А когда вернулся, увидел развороченный край окопа. Ротного не было. Какая-то горячая волна залила мое сознание, мгновенно родилась мысль: он нарочно отправил меня с передовой, чтобы я выжил.

И тут я вспомнил и хлеб, и мое прозвище, что ходило среди ребят, — «Соловей». Я пел солдатам песни, а они говорили, что так прозвал меня ротный. А я не верил. Всплыло в сознании и многое другое из поступков ротного, и я понял, что любил и берег меня этот суровый человек.

Бой стих. Я бросился на поиски. И возле медсанбата увидел машину и в ее кузове бледного, видно, потерял много крови, моего ротного. Он был весь перебинтован, на груди были видны многие слои бинтов с большими пятнами крови на них. Глаза его были закрыты.

— Ротный, — крикнул я, — открой глаза!

Он с трудом поднял веки:

— А, Соловей?! Хорошо, что ты пришел. Попрощаемся.

Хорошо, что ты пришел, — повторил он. — Я ведь любил тебя, как сына. Слушай, Соловей, у тебя большой талант. Ты должен жить, понимаешь, жить и петь. И запомни, очень любил тебя и старался беречь Иван Рыбаков из Ивановской области. Запомнишь? — и он опустил веки.

Я долго искал потом ротного, все надеялся, что он выжил, хотя узнал от солдат, что ранило его сильно — был вырван весь бок.

Долго искал его и после войны. Но тщетно. Следов его не нашел.

Жив ли он, Иван Рыбаков из Ивановской области, что любил меня, как сына, берег и прозвал «Соловей»?

1995 г.